

САПОГОВСКАЯ Л. В.

**ПРОЦЕСС МОНОПОЛИЗАЦИИ СОЛЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ПРИКАМЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

Процессы монополизации в промышленности, происходившие в России на рубеже XIX—XX вв., являются важнейшей темой исторических исследований, позволяющих дать всесторонний анализ экономического развития страны в период империализма, который, по характеристике В. И. Ленина, «по своей экономической сущности... есть монополистический капитализм» [1].

Монополистические объединения, связанные с уральской горнозаводской промышленностью, изучены неодинаково: одни монополии, такие, как «Продамет», «Кровля», «Медь», исследованы достаточно полно, другие известны лишь по отдельным упоминаниям в литературе. До сих пор нет работ, посвященных монополистическим соглашениям в соляной промышленности Урала.

Литература о монополизации в уральской соляной промышленности немногочисленна. Об образовании синдиката уральских солезаводчиков писал Г. В. Цыперович [2]. В. Я. Лаверычев дал краткое описание истории согласования проекта общества пермских солепромышленников по совместной продаже соли [3]. В имеющихся работах содержатся противоречивые данные и во многом неаргументированные выводы. Так, спорным представляется время организации синдиката и сам факт его существования в период первой мировой войны. Недостаточна источниковая база исследований.

В данной статье предпринята попытка обобщить и систематизировать все сведения о становлении и развитии монополистических тенденций в соляной промышленности Прикамья вплоть до 1917 г. Новые данные, вводимые в научный оборот, позволяют детально изложить, дополнить, уточнить данную конкретную страницу истории горнозаводской промышленности Урала в период империализма. Кроме того, собранный материал дает возможность сделать некоторые общие выводы об особенностях процессов монополизации в горнозаводской промышленности Урала с ее «ори-

гинальным» строем, об отраслевой специфике развития монополистических тенденций, оценить степень зрелости предпосылок образования монополистической организации в соляной промышленности.

Разработка изучаемого вопроса потребовала обращения к широкому кругу источников. Авторами использованы исследования посвященные истории соляной промышленности Урала и России как дореволюционные [4], так и советские [5]. Привлечены комплексы опубликованных материалов: сборники сведений о горнозаводской промышленности России, труды съездов солепромышленников России и горнопромышленников Урала, уставы различных обществ в соляной промышленности, доклады и отчеты Нижегородского биржевого комитета.

Основой изучения темы стали архивные материалы: фонды Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИА СССР), Государственных архивов Горьковской и Пермской областей (ГАГО, ГАПО). Наиболее ценные материалы извлечены из фондов Нижегородской конторы Строгановых (ГАГО. Ф. 762), Горного департамента (ЦГИА СССР. Ф. 37), Министерства торговли и промышленности (ЦГИА СССР. Ф. 23), Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по продовольственному делу (ЦГИА СССР. Ф. 857). Важные материалы содержатся в фондах заводских контор и окружных правлений, имевших солеваренные предприятия (ЦГИА СССР. Ф. 880, 892; ГАПО. Ф. 682, 683, 684, 686, 692 и др.).

Среди привлеченных источников — законодательные и статистические материалы, делопроизводственные документы, периодическая печать. С точки зрения содержания из них можно выделить три основных комплекса: документы, характеризующие развитие соляной промышленности Урала и России в целом; проекты соглашений пермских солепромышленников; материалы по обсуждению вопроса о создании синдикатов и отношения к нему различных групп солезаводчиков, буржуазных кругов и общественности.

Солеварение — старейшая область горного дела на Урале. Первая соляная скважина была пробурена здесь в 1430 г. С начала XVIII в. (Указ 1705 г.) и вплоть до середины XIX в. в соляной промышленности России была установлена казенная монополия на продажу соли — система обязательных поставок всей вывариваемой соли в казенные магазины по назначенным твердым ценам. Однако правительство не всегда последовательно придерживалось этой системы: периоды жесткой казенной монополии чередовались с периодами отступлений от нее, проявляющихся в разрешении вольной продажи соли и увеличении закупочных цен на нее (Указы 1727, 1812 гг.) [6]. Система государственной моно-

полии отрицательно сказывалась на развитии промышленности Прикамья, что повлекло за собой постепенное разорение мелких и средних солеваров. Только в 1854 г. правительство отказалось от казенной продажи соли и передало ее полностью в частные руки. Подавляющее большинство пермской соли продавалось на Нижегородской ярмарке, куда она доставлялась в навигационный период по уральским рекам.

В середине XIX в., к моменту отмены казенной монополии на соль, соляные промыслы были сосредоточены в местах наиболее богатых рассолов, в четырех важнейших районах: окрестности Соликамска, Дедюхина, Усолья, Левы. Большая доля выварки соли была сконцентрирована на промыслах крупнейших собственников земли — династии графов Строгановых, по праву названной «соляной», князей Голицыных, Лазаревых и других представителей крупных уральских горнозаводчиков. К 1854 г. пермские солепромышленники располагали 67 действующими варницами и 70 рассолоподъемными трубами. Большинство варниц были черными. В отрасли наметились первые шаги промышленного переворота: на промыслах работало 5 паровых машин, рассол стали доставать с помощью конных машин со значительно больших глубин, увеличилась крепость рассола [7].

После отмены крепостного права произошли изменения в социальном составе владельцев пермских соленых промыслов. В 1862 г. правительство передало управление казенными солеваренными заводами частным лицам. В 1869 г. купец И. И. Любимов, впоследствии крупнейший на Урале солепромышленник и пароходовладелец, откупил у казны земли и основал Березниковский солеваренный завод. В 80-е гг. вступил в действие крупный Усть-Боровский солеваренный завод, принадлежавший купцам Рязанцевым.

Общее число варниц, действовавших на пермских промыслах во второй половине XIX в., не только не увеличивалось, но даже несколько сократилось. Тем не менее, выварка соли в районе удвоилась [8]. Повышение производительности варниц происходило за счет новых методов бурения, появления нового типа варниц-баварок, замены деревянных матиц трубок железными трубами. Процесс вытеснения черных варниц усовершенствованными белыми на соляных промыслах Прикамья в конце XIX — начале XX вв. показывает табл. 1.

Однако общий технический уровень отрасли оставался сравнительно низким. Созданная в условиях господства крепостного права, основанная на широком применении подневольного труда, соляная промышленность Прикамья трудно приспосабливалась к новым капиталистическим порядкам. Эффективность вводимых технических усовершенствований ослаблялась отсутствием капи-

Таблица

Число варниц на соляных промыслах Прикамья в конце XIX — начале XX в.
(в скобках —) *

Годы	Количество варниц		
	всего	черных	белых
1890	131	80 (61,1)	51 (38,9)
1895	122	53 (43,4)	69 (56,6)
1900	128	53 (41,4)	75 (58,6)
1905	139	47 (33,8)	92 (66,2)
1910	110	8 (7,3)	102 (92,7)

* Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 г. СПб., 1892. С. 248—249. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1903. С. 428—429; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 г. СПб., 1913. С. 430—431.

талов на всестороннее коренное переустройство рутинного процесса производства.

Отрицательно сказалась на солеварении неблагоприятная для Урала ситуация на российском соляном рынке. С конца 50-х гг. все большую роль начала играть самосадочная соль озер Эльтон и Баскунчак. С 80-х гг. быстрыми темпами стала развиваться добыча каменной соли в Донецком бассейне, получившая благодаря низкой себестоимости продукции и удобному географическому расположению, облегчавшему доставку соли в отдаленные районы, первенствующее положение в соляной промышленности России. Удельный вес пермской соли в общем соледобывании стал быстро падать. В условиях острой конкуренции уральская соляная промышленность начала искать пути выхода из кризиса, пытаясь удерживать традиционные рынки сбыта.

80-е гг. XIX в. ознаменовались важнейшей реформой соляного дела. 2 ноября 1880 г. был отменен акциз на соль и введена горная подать. Вводимый вместо акциза дифференцированный налог, не меняя существенно цены на соль, должен был поддержать соляное дело там, где оно было развито слабее, поощрить его дальнейшее развитие. Реформа имела благотворное воздействие на развитие солепромышленности Прикамья. Новая система обложения помогла пермской соляной промышленности, владельцы которой были социально близки царскому правительству, удержать свои позиции на соляном рынке, дала большой простор для развития капиталистических отношений в отрасли.

Тенденция к объединению уральских солезаводчиков с целью повышения цен на соль и избежания ее перепроизводства прояви-

лась еще в середине XIX в. Объявление правительства о разрешении свободной торговли солью с 1854 г. вызвало у уральских солепромышленников противоречивые чувства. С одной стороны, новый порядок сулил увеличение прибылей с расширением производства, с другой — ставил владельцев в незнакомую для них ситуацию полной зависимости от конъюнктуры рынка. В 1859 г. управляющим А. Я. Строганова по его заказу был составлен «Проект условия, заключенного между владельцами Усольских соляных промыслов». Проект представлял договор между крупнейшими солепромышленниками Г. А. и С. Г. Строгановыми, М. А. Голицыным, И. Я. и Х. Я. Лазаревыми о продаже соли через общего комиссионера, заключаемый сроком на четыре года. Заключенный «домашним порядком», то есть в форме товарищества на вере, договор предусматривал нормировку развития производства для его участников. (Положения и условия договора, заключенного между владельцами Усольских соляных промыслов, его обсуждение подробно проанализированы в приводимой уже нами работе Б. Я. Розена «Пермянка. История соляного промысла в Прикамье»).

В 1862 г. пермскими солепромышленниками уже официально было подписано соглашение о совместной продаже соли [9]. Есть основания предполагать, что подобные соглашения заключались и в дальнейшем. Во многом сходные условия производства, социально однородный состав владельцев крупнейших промыслов способствовали организации их совместной деятельности по условиям сбыта продукции в форме краткосрочных соглашений.

Однако жизнь показала недостаточность подобных соглашений. В 90-е гг. XIX в. в условиях соляного рынка возникла необходимость в более многостороннем соглашении пермских солепромышленников. Несмотря на то, что первое «безакцизное десятилетие» (1881—1890 гг.) прошло под знаком расширения производства (общий объем выварки увеличился с 12,6 до 18 млн. пуд., т. е. на 43%) [10], сбыт соли-пермянки оставался сопряженным со все более нараставшими трудностями. Обострение конкуренции было связано с бурным развитием соледобытывания в Баскунчакском районе, претендующем на поволжские рынки, а также в Донецком бассейне, где к разработке дешевой каменной соли привлекались крупные капиталы. Биржевой комитет Нижнего Новгорода, центра соляной торговли, в 1893 г. констатировал: «Торговля солью является прямо убыточной. Вследствие такого положения между крупными торговцами возникла мысль прийти к соглашению относительно продажи по однообразной цене...» [11].

Вопрос об учреждении общей торговой конторы солепромышленников стал обсуждаться с 1892 г. В 1893 г. был выработан Устав проектируемого товарищества, организованного на основе паевого участия [12]. Распределение паёв, отразившее определенный

этап концентрации производства, «расстановку сил между 11 участниками соглашения, выглядел следующим образом: граф С. А. Строганов и коммерции советник И. И. Любимов получили по 44 пая, княгиня Е. Б. Абамелек-Лазарева — 20 паев, наследники А. П. Шувалова — 19, В. А. и И. А. Рязанцевы по 14 и 15, наследники Дубровина — 13 паев. Причем первые два участника соглашения — С. А. Строганов и И. И. Любимов — по условиям Устава находились в привилегированной положении: специальный параграф Устава предоставлял им сверх совместной продажи право непосредственной торговли на реке Вятке в размере по 1 млн пуд. Количество паев участников соглашения определялось максимальной производительностью их промыслов в последние два года. «Паевые разногласия» между солепромышленниками были наиболее существенными, вызывали многочисленные споры и конфликты.

Проект соглашения 1893 г. касался и нормировки производства. Тенденция к перепроизводству соли сделала необходимым включение в Устав положения о том, что общее собрание Товарищества имеет право увеличить или сократить объем производства его участника в процентном отношении в зависимости от паявого участия.

Обсуждение «Устава торгово-промышленного товарищества владельцев и арендаторов Пермских солевых заводов» его участниками затянулось до 1897 г. В 1894 и 1895 гг. вопрос об учреждении общей солепродажной конторы обсуждался на специально созываемых совещаниях солезаводчиков. Пермские солепромышленники дважды, в 1894 и 1896 гг., обращались с ходатайствами к соответствующим органам о необходимости понижения железнодорожных тарифов на пермскую соль, чтобы она могла более успешно конкурировать на внутреннем рынке с баскунчакской и донецкой. Прежде чем быть загруженной в вагоны Нижегородской и Ярославской дорог, соль-пермянка перевозилась водным путем около 2 тыс. верст. Одновременно солепромышленники требовали таких изменений тарифной системы, которые бы ограничили доставку на их рынки соли конкурирующих районов [13].

В 1896 г. солепромышленники Прикамья безуспешно пытались договориться со своими конкурентами об установлении общих цен на соль в различных пунктах ее продажи сроком на один год [14].

Поиски мер выхода соляной промышленности Прикамья из кризиса активизировались тяжелым положением на рынке: в 1895 г. в Нижнем Новгороде пермская соль продавалась по 12 коп. за пуд при себестоимости 15 коп. [15]. Конкуренция с донецкой солью становилась все более напряженной, особенно после создания в 1896 г. донбасскими солепромышленниками соляного синдиката — «Общества по сбыту каменной соли», когда реальной стала угроза

вытеснения пермской соли с московского рынка. Но и в этих экстремальных условиях, стимулирующих объединение владельцев пермских промыслов, их интересовала прежде всего «степень свободы»: они активно возражали против сокращения производства и его нормировки. Более приемлемыми средствами ограждения от конкуренции участникам соглашения представлялись установление совместных прибыльных цен и распределение пунктов продажи [16]. Участники соглашения осознали необходимость жесткого контроля за соблюдением условий договора. Управляющий делами акционерного общества «Любимов и К^о» заявлял, что гарантией ответственности участников за выполнение условий договора должен стать капитал общества [17]. Меры контроля в Уставе 1893 г. были разработаны слабо, разногласия между заводчиками порождали бесконечное недоверие и враждебность.

Подготовка к съезду русских солепромышленников, состоявшемуся зимой 1897/98 гг., его решения вызвали новую волну обсуждения проблем соляной промышленности. В ноябре 1897 г. после длительного обсуждения совещание управляющих пермскими соляными промыслами приняло решение об организации совместной продажи соли на железные дороги через общего доверенного, который обеспечивал бы нормировку и равномерность отпуска вагонов под соль разным владельцам. Совещание постановило — сдачу соли на железную дорогу производить через Усольское правление Строганова, которое должно было получать все требования на соль и распределять заказы между участниками договора в соответствии с установленными паевыми пропорциями [18].

Таким частичным, ограниченным только железной дорогой, с неполным составом участников (не подписали договор представители Абамелек-Лазаревой) соглашением пермских солепромышленников закончился первый подготовительный этап монополизации уральской соли. Общее соглашение так и не было достигнуто.

Экономический кризис начала XX в. усилил монополистические тенденции в экономике России. В солепромышленности Прикамья в этот период сложилась устойчивая практика краткосрочных соглашений картельного типа об установлении цен в различных пунктах продажи между двумя или несколькими участниками несостоявшегося синдиката. В 1903 г. об установлении единых цен договорились крупнейшие фирмы Строганова и Любимова [19]. В 1904 г. подобный договор состоялся с большим числом участников. Его заключение было связано с чрезвычайными событиями: конкуренты стали продавать свою соль на традиционных рынках пермянки по заниженным ценам [20]. Договоры этого периода по-прежнему были непрочными, условия их постоянно нарушались, возникали конфликты между отдельными фирмами [21]. Заслужи-

вает внимания несостоявшийся договор о нормировании производства, обсуждение которого проходило в 1905 г. Проект его предусматривал сохранение добычи соли на 10% каждым участником (промыслы Строганова, Любимова, Шувалова, Рязанцевых, Вилсова, Касаткина) [22].

Неудачная попытка нормирования производства и революционные события 1905 г. побудили солепромышленников к поиску более кардинальных мер. Сентябрьское совещание единогласно выразило принципиальное согласие солезаводчиков на создание организации по общей продаже соли. Совещание это завершилось и некоторыми практическими шагами: общая продажа на железную дорогу, существовавшая с 1897 г., пополнилась общей продажей в Перми и Глазове [23].

Однако несмотря на единогласно выраженное согласие реальных сдвигов в создании общей солепродажной организации в той или иной форме в последующее время не произошло. Не получил реального воплощения и проект Устава «Товарищества владельцев и арендаторов Пермских солеваренных заводов» 1906 г., предполагавший создание общей торговой конторы для продажи всей пермской соли по реке Каме и ее притокам. Он не был реализован, несмотря на то, что двойственные его условия сочетали преимущества совместной и индивидуальной торговли: по условиям соглашения, в общую продажу зачислялась не вся производимая соль, а лишь определенная часть, сбыт которой был организован в «районах общего соглашения» по установленным совместно ценам [24]. Остальная продавалась по индивидуальным ценам заводчиков. Предупреждая возможные разногласия между участниками будущего Товарищества «Пермская соль», проект ограждал от вмешательства во внутренние дела фирм («внутреннего распорядка и администрации промыслов... договор не касается»), предусматривал специальную комиссию для решения спорных вопросов [25]. Однако несмотря на столь гибкую форму договора, его достигла участь предыдущих.

Идея создания соляного синдиката постоянно обсуждалась на совещаниях пермских солепромышленников. Нижегородский биржевой комитет отмечал попытки создания синдиката в 1906, 1907 г. [26]. В 1908—1909 гг. при Горном департаменте работала особая комиссия для «рассмотрения нужд пермских солепромышленников», которая признала убыточность солеваренной промышленности края [27]. Интересно, что в качестве одной из причин бедственного положения уральских солезаводчиков комиссия отметила «отсутствие у них должной сплоченности».

Реализация объединения, подготавливавшегося с 90-х гг. XIX в., затруднялась постоянными разногласиями между участниками будущего синдиката. Совместная практика торговли, основанная на

краткосрочных соглашениях, лишь усугубляла взаимное недоверие будущих «компаньонов». Так, в 1907 г. не возобливился договор на коммиссионную продажу соли между фирмами С. А. Строганова и И. И. Любимова, что, конечно, усугубило конкурентную борьбу между бывшими «союзниками» на Волге и Вятке и послужило серьезным препятствием на пути достижения общего соглашения [28]. Конфликт между фирмами С. А. Строганова и И. А. Рязанцева был вызван нарушением последним договора не продавать соль в приволжских городах выше Казани [29]. Краткосрочные, как правило, на одну навигацию, договоры были непрочными, их нарушители не несли какой-либо ответственности. В высшей степени характерным представляется заявление Рязанцева по поводу упомянутого конфликта: подписывая договор, он не придавал ему никакого значения «ввиду безнаказанности отступления от его условий» [30].

Однако в целом краткосрочные, с ограниченными функциями договоры, как и всякая практика совместной деятельности в условиях усложнения конъюнктуры рынка, делали свое дело. Идея необходимости прочного соглашения, которое оградило бы от сложностей сбыта и беспечило бы гарантированные прибыли, все сильнее владела пермскими солезаводчиками, осуждавшими не только отрицательные стороны, но и явные преимущества договорной системы торговли.

1912 г. стал началом нового этапа в организации соляного синдиката. В январе 1912 г. усольские и соликамские солепромышленники заключили договор на общую продажу соли в промыслах (на воза, в лавки, на железную дорогу и на воду от Осы и выше по реке Каме) [31].

Катализатором объединительных процессов, активизации обсуждения проектов соляного синдиката была нарастающая конкуренция с баскунчакской солью, которая оказалась более опасной по сравнению с конкуренцией донецкой соли. В 1908 г. в Астраханском районе начал действовать будущий крупнейший монополист — акционерное общество «Океан», которое, имея в своем распоряжении речное пароходство, с самого начала своей деятельности получило серьезнейшие преимущества в торговле солью по Волге. Общество постоянно расширяло свою сферу, скупало соляные участки на озере Баскунчак. В июне 1911 г. оно ходатайствовало об увеличении основного капитала общества с 2 до 3 млн. руб. [32].

Печальный опыт конкурентной борьбы внешней и внутренней, стимулировал объединение, учил уральских солезаводчиков компромиссам. Конфликт между компаниями С. А. Строганова и И. И. Любимова и третьей фирмой, конкурирующей с ними на реке Вятке — промыслами Балашевой, был предотвращен приняти-

ем первыми соли Балашевой на комиссионную продажу, за что эта фирма обязалась реализовать соли на Вятском рынке не более 200 тыс. пуд [33]. Главная Петербургская контора С. А. Строганова рассматривала договор с Балашевой как начало, первый шаг в деле объединения, и предписывала пермскому поверенному приступить к обсуждению более широкого соглашения по соли на всех рынках Волжского и Камского районов [34]. Но достигнуть общего соглашения было трудно, прежние домонополистические инстинкты еще господствовали, диктовали свои законы. Установление единых цен затруднялось и часто меняющимися рыночными ситуациями в разных пунктах продажи, разным качеством соли. Так, Строгановы, отдавая соль на продажу фирме И. И. Любимова, неизменно условием ставили ни в коем случае не погружать в один и тот же паузок соль наших промыслов и других солезаводчиков» [35].

Таким образом, «лед тронулся»: 13 ноября 1913 г. на совещаниях пермских солезаводчиков начинается обсуждение Устава общества «Продасоль» [36]. За его основу был взят проект «Устава владельцев и арендаторов Пермских солеваренных заводов» 1906 г., дополненный с учетом опыта прошлых лет.

Интересно проследить важнейшие тенденции в содержании этих основополагающих документов торгово-промышленных объединений. Отличительной особенностью соглашения 1913 г. была большая масштабность с точки зрения сроков, форм организации и т. д. Общество проектировалось с большим размахом: установлен значительный срок деятельности (до мая 1919 г.) Для совместной торговли предусматривалось создание специального «соляного флота»; предполагалось объединение торговли солью не только частных, но и казенных заводов.

Изменения в составе и паевом соглашении участников соглашения пермских солепромышленников в 1893—1913 гг. показывает табл. 2.

Наиболее важной тенденцией изменения паявого соотношения является стремление к выравниванию долей участия его компаньонов. Если устойчиво высокие квоты участников соглашения 1893 г. явно определяли лидеров — около 1/4 (то 24%) объема производства приходилось на промыслы С. А. Строганова и И. И. Любимова, а остальные довольствовались долей от 7 до 10,9%, то по условиям соглашения 1913 г. такое лидерство отсутствует: квоты участников варьируют в сравнительно небольших пределах — от 6 до 15%. Доля четырех наиболее крупных предприятий в договоре 1893 г. — 69,3%; 1913 — 51,7%, то есть налицо сокращение на 17,6% или 1/6.

На первый взгляд, в соляной промышленности Прикамья складывается ситуация не однозначная с традиционной, когда концентрация производства (важнейшим показателем которой является

**Изменение доли паевого соотношения партнеров соглашений
по продаже соли (в скобках — %)***

Участники соглашений	1893 г.	1906 г.	1913 г.
Строганов С. А.	44 (24)	26 (26)	36 (15,7)
Наследники А. П. Шувалова	19 (10,4)	16 (16)	32 (13,9)
Голицын С. М.	14 (7,7)	13 (13)	15 (6,5)
Абамелек-Лазарева Е. Я. . . .	20 (10,9)	12 (12)	18 (7,8)
Любимов И. И.	44 (24)	18 (18)	33 (14,3)
Рязанцев И. А.	14 (7,7)	—	21 (9,1)
Рязанцев А.	15 (8,2)	—	16 (7,0)
Касаткин Г. М.	—	11 (11)	14 (6,1)
Вилесов И. П.	—	—	16 (7,0)
Дубровин	13 (7)	—	—
Дедушкинская трудовая ар- тель	—	4 (4)	14 (6,1)
Соликамская городская уп- рава	—	—	4 (1,7)
Итого	183 (100)	100 (100)	230 (100)

* Составлено по: ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1280. Л. 15; Д. 1965. Л. 7, 74.

доля разных по величине предприятий в общем объеме производства (важнейшим показателем которой является для разных по величине предприятий в общем объеме производства) приводит к образованию монополистического объединения. Однако именно такое положение, когда к договору пришли партнеры с более сходными потенциальными возможностями, оказалось оптимальным, и соглашение в 1913 г. наконец состоялось.

Изменение долевого участия произошло на фоне незначительного увеличения объема производства: с 18 млн. пуд. в 1893 г. до 21 млн. пуд. в 1913 г. [37] за счет внутреннего перераспределения паев, а конкретнее, за счет укрепления промыслов солезаводчиков — купцов, типа И. А. и А. Рязанцевых, Г. М. Касаткина, И. П. Вилесова и более низких темпов развития предприятий «соляных вотчинников» — дворян-горнозаводчиков.

Другой особенностью соглашения 1913 г., связанной с определенными сдвигами в экономике России, была иная финансовая организация объединения — акционерная (капитал общества в 200 тыс. руб. должен был состояться из 800 акций по 250 руб.), что давало определенные преимущества в финансовой и организационной деятельности «Продасоли».

Еще одна особенность, которая прослеживается очень ярко, —

это ужесточение в Уставе мер надзора и контроля за соблюдением условий договора и средств наказания в случае их нарушения. За продажу соли вне общества была установлена так называемая «неустойка» — штраф, размер которого увеличился в ходе обсуждения проекта в два раза: с 5 до 10 коп за каждый проданный пуд. Капитал общества как гарантия выполнения условий договора был также в ходе обсуждения увеличен с 200 до 460 тыс. руб. [38].

В Уставе была сделана попытка предупредить, нейтрализовать все возможные, известные из практики прошлых лет, разногласия. Прежние конфликты из-за несоответствия качества соли разных фирм вызвали необходимость включения специального параграфа о том, что «на соль худшего качества назначается меньшая цена». Старые связи промыслов с оптовыми покупателями также учитывались и, соответственно, в Устав было введено положение о том, что «каждый из членов товарищества может быть покупателем своей соли от товарищества...для перепродажи своим прежним покупателям» [39].

Однако разногласий самого разного порядка выявилось много и в ходе обсуждения конечного варианта договора. Так, компания С. А. Строганова выразила согласие на вступление в общество только с ультимативно выраженным условием, что ей будет позволено самостоятельная торговля на реках Вятке и Белой. Владельцы и арендаторы соликамских промыслов категорически выступили против этого, что «чуть не послужило поводом к прекращению обсуждения идеи товарищества» [40]. Разные мнения были высказаны о сроках соглашения, серьезное недовольство вызвало предложение об исчислении голосов на общем собрании в соответствии с паевым участием, требовалось равное представительство от всех фирм [41].

Обсуждение проекта соляного синдиката затянулось до февраля 1914 г. Часть спорных вопросов получила разрешение, часть была «замаскирована» полумерами (например, решение о возможности сохранить на первое время самостоятельную торговлю Строганова на Вятке и Белой). Некоторые конфликтные ситуации устранились как не получившие большинства. Соглашение было подписано. В феврале был отдан на всестороннее рассмотрение в высшие инстанции Устав нового общества. До его утверждения правительством участники «Продасоли» подписали временное соглашение на период навигации 1914 г. [42]. Утверждение Устава «Продасоли» ожидалось в августе 1914 г. Однако ввиду начавшейся первой мировой войны решение правительства о данном вопросе было отложено.

Война, кардинально повлияв на условия экономики России, стала новым этапом в ее развитии. Она привела и к большим

переменам в функционировании соляной промышленности, внесла существенные изменения в условия соляного рынка, вызвав резкое подорожание соли. Разразившийся «топливный голод» особенно сказался на тех соляных предприятиях, которые работали исключительно на каменном угле [43]. Кроме того, на повышение себестоимости соли повлияли недостаток рабочей силы в связи с призывами в армию [44], острый дефицит вагонов для перевозки соли в места продажи [45], реквизиция транспортных барж на нужды фронта [46].

И хотя солезаводчики добились от правительства ряда льгот, себестоимость соли продолжала расти. В среднем (с доставкой) в марте 1916 г. она составляла 29 коп. за пуд, тогда как в 1908 г. — 18,2 коп. [47]. Трудности военного времени привели к сокращению производства — совершенно прекратили работу промыслы Голицына: на Березовском заводе Любимова, «Сольвэ и Ко» в годы войны из 12 варниц работали 5—7 [48], на промыслах Балашевой из 14 варниц действовали 9—10 [49]. Существенно сократилась среднемесячная выварка, которая в отдельные месяцы составляла только 25—37% довоенной [50].

Спрос на пермскую соль необыкновенно вырос ввиду того, что Баскунчакские и Илецкие промыслы сократили свое производство, Донецкие и Одесские не имели возможности отправлять свою продукцию из-за близости к театру военных действий. Острым дефицитом соли в стране успешно пользовались пермские солезаводчики для взвинчивания цен. Если цены на соль-пермянку в 1913 г. принять за 100%, то в 1915 г. они равнялись в Уфе 275%, в Рыбинске — 514, в Ярославле — 532% [51].

Наглядно демонстрирует спекулятивный характер сбыта пермской соли резкий рост в годы войны размеров прибыли на один пуд. Возрастание прибыли промыслов С. А. Строганова в 1913—1915 гг. показывает табл. 3.

В среднем в годы войны прибыль на один пуд соли увеличилась в 23,8 раза.

Разгул спекуляции вызвал опасения у наиболее осторожных представителей солепромышленников. В сентябре 1915 г. пермский поверенный С. А. Строганова в своем отчете писал: «Опасно взвинчивать цены, дабы не вызвать такого действия со стороны правительства, что нам учтут действительную стоимость производства соли, доставки ее в места продажи., прибавят допустимый процент прибыли и таким образом определяют максимальные продажные цены» [52].

Опасения о вмешательстве правительства были не напрасными. Солепромышленность как отрасль, связанная с продовольственным делом, вскоре была подчинена государственному контролю. Во главе регулирования производства и распределения

**Размеры прибыли от реализации соли промыслов С. А. Строганова
в 1913 и 1915 гг., коп. за пуд ***

Пункты продажи	1913 г.	1915 г.
Нижний Новгород	0,332	9,498
Ярославль	0,667	10,665
Рыбинск	0,480	12,942

* Составлено по: Отчеты правления соляных промыслов Строганова за 1913 и 1915 гг. ГАГО, Ф. 762, Оп. 707, Д. 2337, Л. 21; Д. 2456, Л. 21, 22.

соли встало Особое совещание по продовольственному делу, на местах действовали уполномоченные. В декабре 1915 г. Особое совещание воспользовалось данным ему Советом министров в мае 1915 г. правом назначения предельных цен на отдельные виды продовольствия. Для пермской соли предельная цена была установлена в 30 коп. за пуд [53].

Однако политика твердых цен не нанесла существенного ущерба прибылям пермских солепромышленников, так как определение такс исходило из уровня цен, существовавших в то время, то есть завышенных условиями дефицитного рынка. К тому же у промышленников оставалась возможность вывозить соль в те места, где существовали произвольные цены. Спекуляция продолжала «цвести пышным цветом».

Это продиктовало необходимость новых, более радикальных правительственных мер по регулированию соляного рынка. Постановление Министерства Земледелия и Государственных имуществ от 2 апреля 1916 г. расширяло права уполномоченных на местах по отношению к предпринимателям: в случае отказа солепромышленников продавать соль по предельным ценам уполномоченные могли реквизировать необходимое количество продукции по цене на 15% меньше предельной. Учреждаемые правительством «соляные комитеты» — районные представительные органы солезаводчиков — должны были распределять требования на соль между всеми предпринимателями «для обязательного исполнения по предельным ценам» [54].

В мае 1916 г. пермские солепромышленники обратились к пермскому уполномоченному Особого совещания по продовольствию с ходатайством о повышении предельных цен на соль, «ввиду удорожания всех отдельных элементов себестоимости соли» на 5 коп. за пуд. Уполномоченный Е. Д. Калугин это ходатайство поддержал, и особым постановлением Министерства Земледелия

и Государственных имуществ были установлены цены в 34, 35, 38 коп. за пуд (с учетом пунктов отправки) [55].

С 1 мая 1916 г. выработка пермской соли 1916/17 операционного года поступала в распоряжение казны. Соль по нарядам местного уполномоченного в Перми отпускалась на нужды армии, земским и городским учреждениям, отправлялась в наиболее нуждающиеся районы. Торговля солезаводчиков с частными лицами была сведена до минимума. «Мы для личной продажи не имеем ни одного пуда и продавать не имеем права», — сообщила Нижегородская контора С. А. Строганова одному из своих прежних покупателей [56].

Хотя новые предельные цены делали операцию реквизиции соли казной прибыльной, пермские солезаводчики всячески пытались обойти регулирующие органы. Их беспокоило то, что лишь пермская соль была отобрана в распоряжение Особого совещания, а другие солепроизводящие районы продавали соль свободно на рынке. Пермские солепромышленники понимали, что такое положение не опасно только в условиях дефицита соли, но впоследствии прозит большими осложнениями, так как «бывшие потребители исключительно пермской соли завяжут отношения к другим породами соли...» [57].

Практиковалась бесконтрольная продажа соли. В июне 1916 г. Нижегородский уполномоченный Особого совещания послал правлению С. А. Строганова в жесткой форме выраженное требование: «Прошу соль без моих нарядов не отпускать, иначе буду считать ваши отпуска недействительными» [58]. Такого рода конфликты были нередким явлением.

В целом же система «гарантированных прибылей» за счет высоких закупочных цен не вызывала особого недовольства пермских солепромышленников. Решение о реквизиции было одобрено специальным совместным заседанием Пермского Губернского продовольственного совещания и Соляного комитета [59].

Наличие до войны органов совместной деятельности пермских солезаводчиков, их опыт повлияли на развитие в годы войны государственно-монополистических тенденций в отрасли. В январе 1917 г. совещание Пермского соляного комитета приняло постановление о передаче всей соли пермских промыслов в его распоряжение. Комитет должен был производить «весь расчет за взятую и доставленную соль» [60]. Впоследствии Соляной комитет значительно расширил свои полномочия — в апреле 1917 г. он уже назначал цены на соль, сдаваемую государству. Цены считались утвержденными, если не встречали особых «возражений против объясненных цен со стороны Управления делами Особого совещания по продовольствию» [61].

Анализируя тенденции монополизации соляной промышленно-

сти Прикамья в период 90-х гг. XIX в. — 1917 г., можно сделать следующие выводы.

Развитие капитализма неизбежно приводит к образованию монополий. В соляной промышленности Прикамья устойчиво проявились монополистические тенденции, начиная с 90-х гг. XIX в.

Можно выделить три периода наиболее активного обсуждения идеи создания особой сбытовой организации пермских солезаводчиков. Первый (1892—1897 гг.) завершился подписанием договора о совместной продаже на железную дорогу, что несомненно было шагом вперед в деле объединения. Однако значение этого договора, просуществовавшего вплоть до 1917 г., не следует преувеличивать. По данным о структуре сбыта пермской соли, отправка по железной дороге составляла в среднем 8% общей выварки [62]. Впоследствии этот договор мог стать частью договора по общей продаже соли, как бы «узкоспециализированным подсиндикатом» [63].

Второй (1905—1909 гг.) был завершен организацией общей продажи в Перми и Глазове. В 1909 г. был подписан договор о совместной продаже соли по реке Каме и ее притокам, просуществовавший до 1912 г. Доля сбыта в этом регионе составляла 21% общего объема производства [64]. Таким образом, к началу нового промышленного подъема в общей продаже пермских солепромышленников находился около 1/3 производимой продукции.

Третий (1912—1913 гг.) завершился подписанием солезаводчиками Устава общества «Продасоль», дальнейшая судьба которого зависела от утверждения правительственными органами.

Характерно, что отмеченные нами периоды «организационной активности» пермских солезаводчиков в обсуждении вопроса о создании соляного синдиката в общем соответствуют основным этапам монополизации промышленности в России.

Предпосылки образования синдиката пермских солезаводчиков, сложившиеся накануне первой мировой войны, в годы войны не были реализованы в связи с резким изменением условий соляного рынка. Сверхблагоприятные в смысле прибыли условия рынка в меньшей степени требовали объединения, так как спрос находила всякая соль, острая конкуренция (внутренняя и внешняя) отходила на второй план, насущная необходимость союза солезаводчиков во имя «спасения» отрасли отпала. Передача же всей производимой пермской соли с мая 1916 г. в руки казны окончательно сняла с повестки дня вопрос об объединении солезаводчиков в синдикат.

Возникновение монополий есть закономерный результат, с одной стороны — концентрации и централизации производства и капитала, с другой — развития конкуренции. Соляная промыш-

ленность была отраслью с довольно высокой степенью концентрации производства и капитала, которая, помимо общекапиталистических причин, обуславливалась рядом специфических факторов, связанных с прямыми пережитками крепостничества — сосредоточение промыслов в руках именитых горнозаводчиков, крупнейших собственников земли. В дальнейшем концентрация производства шла по пути укрупнения другой, «купеческой» группы промыслов, концентрировавшей в своих руках все большую долю выварки.

Конкуренты соли-пермянки (Донецкий и Астраханский соляные районы) были сильны с точки зрения финансовой, организационной, экономической. Солепромышленники конкурирующих регионов были организованы в монополистические союзы. В Донецком районе еще в 1896 г. возникло «Общество по сбыту каменной соли». Ревизии Гарина и Нейдгарта (1908, 1911 гг.) обнаружили существование тайного синдиката почти всех солепромышленников Юга России. В Астраханском районе монопольное положение занимало акционерное общество «Океан» (особенно после того, как оно принудило вступить в соглашение с собой антисиндикат рыбопромышленников «Соледобывание»).

Внутриотраслевая конкуренция порождала «цепь монополизации», стимулировала создание районных монополистических организаций, была силой, подталкивавшей пермских солезаводчиков к объединению. Другой, несомненно важной предпосылкой, содействовавшей созданию соляного синдиката в Прикамье, была многолетняя совместная деятельность уральских солезаводчиков по регулированию соляного рынка в Прикамье и Поволжье, устойчивая практика заключения между ними соглашений об установлении цен на соль.

Наряду с факторами, способствовавшими монополизации пермской солепромышленности, существовал целый ряд причин, тормозивших этот процесс. Основной центробежной силой были постоянные разногласия между солезаводчиками. Спрос на соль постоянно изменялся, на формирование его влияло множество обстоятельств не только экономических, но и природно-климатических (обилие рыбы, урожай грибов, разливы рек и т. д.).

Периоды убыточности соляных промыслов, затруднений в сбыте чередовались с периодами дефицита соли в отдельных районах, когда появлялась возможность получать максимальные прибыли. В этих условиях солезаводчики не хотели связывать себя какими-либо обязательствами. Свою роль сыграла также возможность децентрализованного сбыта соли небольшими партиями. Заметным тормозом в процессе монополизации солепромышленности Прикамья было привилегированное положение уральских солепромышленников-горнозаводчиков, являвшихся и заводчика-

ми, и помещиками, таких, как граф С. А. Строганов, князь С. М. Голицын и др. Затруднительной в условиях практически антимонополистического законодательства царской России оказалась юридическая «легализация» синдиката, утверждение его правительством.

Несомненно, одной из основных причин трудностей и сложностей в достижении объединения пермских солепромышленников был их разнородный социальный состав. Наряду с «заводчиками-помещиками», широко пользовавшимися выгодами полукрепостнических и торгово-ростовщических форм эксплуатации, весомое положение в отрасли стали занимать предприниматели капиталистического типа. Монополистическое объединение стало возможным только на том этапе, когда наметилось «выравнивание» долей участия различных пайщиков в соглашении, когда нарастающая внутренняя конкуренция привела промышленников типа С. А. Строганова к необходимости уступок.

Характерно, что цель объединения солепромышленников по-разному определялась в уставах 1893 и 1913 гг. — знаменателен перенос акцента с «упорядоченной торговли поваренной солью» на «устранение конкуренции при продаже и доставке». Небольшой экскурс в «эпопею» обсуждения идеи соляного синдиката позволяет выявить ряд фактов, доказывающих разное отношение двух типов солезаводчиков к монополистическому союзу, меньшая заинтересованность в нем предпринимателей-дворян. Это и то, что инициатором начала обсуждения соглашений 1906 и 1913 гг. являлась фирма И. И. Любимова, и факты задержки подписания Устава 1893 г. из-за требования С. М. Голицына и Е. Я. Абамяк-Лазаревой большей для себя доли участия, срыва соглашения 1906 г. из-за неявки на заключительное собрание С. А. Строганова и С. М. Голицына [65] и т. д.

Таким образом, влияние феодальных пережитков в крае на процесс монополизации соляной промышленности Прикамья оказалось очень противоречивым. С одной стороны, уральские горнозаводчики-солепромышленники, «заводчики-помещики», были не чужды идеи и практики монополистических преимуществ, присущих капиталистическим монополиям. Это стимулировало их интерес к идее создания монополистического объединения. С другой стороны, сохранение остатков феодальных начал в солепромышленности края, как бы заранее ограничивало, предопределяло степень и формы ее монополизации. Экономические программы монополистических соглашений солепромышленников не были направлены на переустройство солепромышленности Прикамья на современных началах, не затрагивали структуру организации производства на соляных промыслах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 27. С. 420.
2. Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в России, Пг., 1918. С. 100;
- Он же. Синдикаты и тресты в России и в СССР. Л., 1927. С. 255.
3. Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия пореформенной России. М., 1974. С. 30—32.
4. Милованов П. П. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы. СПб., 1856; Черняев Л. В. О соли до и после акциза, СПб., 1890; Денисов В. И. Русская солепромышленность. СПб., 1912; Букшпан Я. М. Соль. Месторождения, добыча, перевозки и цены. Пг., 1916.
5. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке || К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; Розен Б. Я. Пермь. История соляного производства Урала в первой половине XIX века. Пермь, 1978 и др.
6. ЦГИА СССР. Ф. 37. Оп. 79. Д. 115. Л. 182, 181 об.; Оп. 25. Д. 1279. в Прикамье. Пермь., 1965; Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Л. 109.
7. Розен Б. Я. Пермь. История соляного производства в Прикамье. С. 95—96.
8. Там же. С. 98.
9. Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия пореформенной России. С. 30.
10. Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1916. С. 337. 328.
11. Доклад-отчет Нижегородского биржевого комитета XII общему очередному собранию биржевого общества. Н. Новгород, 1893. С. 30.
12. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1280. Л. 15—16.
13. ЦГИА СССР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 76. Л. 2—2 об.; ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1411. Л. 31.
14. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1411. Л. 22.
15. Там же. Л. 39; Д. 1334. Л. 1.
16. Там же. Д. 1411. Л. 24 об.
17. Там же. Д. 1280. Л. 26.
18. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1411. Л. 46—49.
19. Там же. Д. 1788. Л. 1.
20. Там же. Л. 18, 27.
21. Там же. Л. 100.
22. Там же. Д. 1965. Л. 1, 2, 4.
23. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1965. Л. 6.
24. Там же. Л. 7, 7 об.
25. Там же. Л. 60—62.
26. Доклад и отчет Нижегородского биржевого комитета XXV очередному собранию Нижегородского биржевого общества за 1906 г. Н. Новгород, 1907. С. 45; Доклад и отчет Нижегородского биржевого комитета XXVI очередному собранию Нижегородского биржевого общества за 1907 г. Н. Новгород, 1908. С. 45.
27. ЦГИА СССР. Ф. 37. Оп. 66. Д. 880. Л. 9—14, 71—72.
28. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1788. Л. 207.
29. Там же. Д. 2121. Л. 2.
30. Там же.
31. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1965. Л. 21, 25.
32. ЦГИА СССР. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1535. Л. 19 об.
33. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Л. 1965. Л. 47, 50.
34. Там же. Л. 50.
35. Там же. Д. 2335. Л. 5.
36. Там же. Д. 1965. Л. 58—82.

37. *Общи обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности* стн. Пг., 1915. С. 331, 337.
38. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1965. Л. 58, 74.
39. Там же. Л. 87.
40. Там же. Л. 88.
41. Там же. Л. 69, 88.
42. Там же. Л. 105.
43. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 504. Л. 9; ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2567. Л. 7.
44. ГАПО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об; ГАПО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2546. Л. 64.
45. ГАПО. Ф. 36. Оп. 5. Д. 95. Л. 4; ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2533. Л. 3.
46. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2546. Л. 89. Д. 2571. Л. 3.
47. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 221. Л. 11 об; Ф. 37. Оп. 66. Д. 880. Л. 9 об.
48. ГАПО Ф. 686. Оп. 1. Д. 37. Л. 8 об., 84 об.; ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 504. Л. 7.
49. ГАПО. Ф. 686. Оп. 1. Д. 37. Л. 219. об., 270 об.
50. Там же. Л. 247. об., 248, 325 об., 326.
51. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 12. Л. 273 об.
52. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2541. Л. 2 об.
53. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 12. Л. 108.
54. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 221. Л. 2.
55. Там же. Л. 3 об.
56. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2571. Л. 53.
57. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2571. Л. 72—72 об.
58. Там же. Л. 50.
59. ЦГИА СССР. Ф. 457. Оп. 1. Д. 530. Л. 25, 32.
60. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 2579. Л. 5—5 об.
61. Там же. Л. 11 об.
62. ЦГИА СССР. Ф. 37. Оп. 66. Д. 880. Л. 47 об — 48.
63. Наумова Г. Р. *Российские монополии (Источниковедческие проблемы)*. М., 1986. С. 16.
64. ЦГИА СССР. Ф. 37. Оп. 66. Д. 880. Л. 47 об — 48.
65. ГАГО. Ф. 762. Оп. 707. Д. 1965. Л. 1—3, 13, 47; Д. 1280. Л. 1, 3.